

«Истории, собственно, не существует, существуют лишь биографии».

Ралф Эмерсон

Г.П. Лепнёв был научным сотрудником — моим коллегой — на кафедре физической химии ЛГУ — СПбГУ с 1965 по 2016 год. Руководил кафедрой Борис Петрович Никольский, с 1968 года академик АН СССР. Мы работали вместе в лаборатории электрохимии стекла, которой руководил М.М. Шульц, академик АН СССР с 1979 года.

Воспоминания Герасима Пантелеймоновича Лепнёва охватывают период с 1930 годов до середины 1950-х. В этих отрывочных воспоминаниях реалии, детали времени, отразившиеся в частной жизни ленинградца — ребёнка, подростка, взрослого — в предвоенную, военную, сразу послевоенную пору жизни страны. Это время всё дальше уходит от нас, но не должно быть забыто.

Его рассказ начинается с описания нескольких моментов жизни города в 1917 и 1924 годах, изложенных со слов его матери. Обрываются его воспоминания студенческими годами и последним из них — 1956.

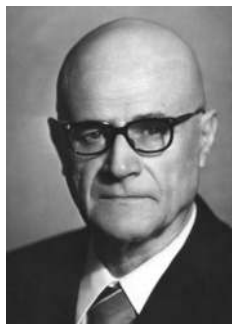
Краткой информацией о работе Г.П. Лепнёва в Радиевом институте АН СССР с 1956 по 1965 год, и затем с 1966 по 2016 год в университете хочется предварить его воспоминания.

Это были трудное и славное время в истории страны, когда работники Радиевого института под руководством крупнейших учёных работали над выполнением атомного проекта, когда сотрудники университетской кафедры под руководством профессора — затем академика Б.П. Никольского — одного из руководителей атомного проекта — разрабатывали средства измерения рН-характеристики кислотности среды, в чём особенно нуждались различные отрасли науки и промышленности, среди них очень актуальная в то время — атомная промышленность.

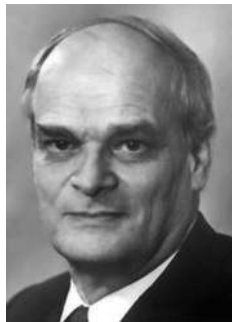
После защиты дипломной работы на кафедре радиохимии химического факультета Университета в 1956 году Г.П. Лепнёв был распределён в Радиевый институт АН СССР (РИАН) им. В.Г. Хлопина. К этому времени успешное завершение правительственного задания по атомному проекту уже вошло в историю института. Несколько слов о выполнении этого задания.

Была создана первая отечественная, отличная от американской, промышленная ацетатно-фторидная технология выделения плутония. Завод по производству плутония на основе отечественной технологии был принят в эксплуатацию 1 марта 1949 г. Осенью 1949 г. было проведено первое успешное испытание атомного оружия. По решению министерства в 1952 г. Б.П. Никольский был назначен главным химиком комбината. Эту обязанность он выполнял до 1970 г., одновременно руководил кафедрой физической химии на химическом факультете в ЛГУ.

В послевоенные годы широкое применение рН-метрии в агрохимии, гидрохимии, технологии многих производств, а также в медицине поставило вопрос об организации промышленного выпуска электродов и вторичных приборов (рН-метров, иономеров). Гос. комитет по автоматизации и машиностроению в 1960 г. создал

Академик
Б.П. Никольский

Академик
М.М. Шульц

Г.П. Лепнёв

комиссию по рН-метрии и Совет по рН-метрии, которые возглавил Б.П. Никольский. Для подготовки к промышленному выпуску электродов и вторичных приборов к исследованиям были привлечены НИИ и вузы, создано самостоятельное СКБ приборов и средств автоматизации в Тбилиси (НПО «Аналитприбор») и реконструирован Гомельский завод измерительных приборов.

В результате был налажен серийный выпуск ионоселективных электродов, стеклянных и мембранных (с поливинилхлоридными мембранами), стеклянных редоксметрических электродов, изобретённых в ЛГУ, а также производство рН-метров и иономеров. В 1973 г. цикл работ «Теория стеклянного электрода и электродные свойства стёкол», включающий в себя теорию, её применение и промышленное производство средств рН-метрии, был удостоен Государственной премии. Приоритет школы ЛГУ в упомянутых исследованиях был признан во всём мире.

Вот в такое время Г.П. Лепнёв получил распределение в РИАН, где он принял активное участие в решении самых горячих проблем атомной науки и промышленности, и в частности Г.П. Лепнёв принимал участие в ядерных испытаниях на Новой Земле в 1957–58 гг. с последующим радиохимическим анализом результатов. Все полученные на химфаке знания и навыки понадобились, умножились, отразились в отчётах, статьях, изобретениях.

В 1966 году Г. П. пришёл работать в Лабораторию электрохимии стекла НИИ химии ЛГУ. На кафедре в лаборатории электрохимии стекла, которой руководил М.М. Шульц, быстро оценили его способности и эрудицию.

Вот упоминания только о некоторых из экзотических изделий Г.П. Это микро СЭ для измерения рН в желудке термита, в глазу лягушки, плоские — для кожи воина, для бумаги в библиотеках АН и в Публичной библиотеке, для ленинских документов в Институте Маркса — Энгельса — Ленина, для объектов реставрационных мастерских Эрмитажа. В Эрмитажной книге о спасении «Данаи» Г.П. Лепнёву и М.М. Шульцу — большая благодарность: рН полотна измеряли после каждой операции промывки и очистки специальными стеклянными электродами от Лепнёва.

Со всем арсеналом электродов, разработанных в лаборатории электрохимии стекла (ЛЭС), Г.П. побывал в Атлантическом и Ти-

Лаборатория электрохимии стекла ЛГУ в 1970 г.
Крайний справа стоит Г.П. Лепнёв.

хом океанах. Те, кто его приглашали или заказывали электроды, неизменно признавали и его творческое участие в решении их задач, а не только изготовление оригинальных электродов. Поэтому Г.П. Лепнёв — соавтор статей, опубликованных в журналах по физиологии, медицине, биохимии и биофизике, помимо «обычных» для химика «Журнала прикладной химии», «Журнала физики и химии стекла», «Журнала неорганической химии» и др. — более 50.

Но вершиной столь разнообразной научно-исследовательской работы, её главным результатом является, по его собственному признанию, создание обратимого твёрдого внутреннего контакта (ТМК) к СЭ. СЭ с таким контактом можно вставлять в кипящий раствор или стерилизовать при 150 °С — внутри ничего не кипит. Можно применять его в Антарктиде или просто перевозить на морозе — ничто не замерзает; применять в невесомости — контакт не отрывается от мембраны. Фурор, патенты и интерес за рубежом, статьи типа «Стеклянные электроды: новое поколение». Вот-вот заводское внедрение, тысячи экземпляров. «Приобретайте СЭ с твёрдым контактом! Только у нас!» Ура! и... увы!.. распад СССР, распад заводов, переход на импорт...

После перестройки обращения в ЛЭС почти прекратились, но около 1995 года из фирмы «Гранит» пришёл заказ на изготовление датчиков рН, еН и O₂ (кислотности среды, окислительного потенциала и кислорода) для зонда, погружаемого на целый год

под лёд антарктического озера. Г.П. Лепнёв датчики с электродами ТМК изготовил, и они работали несколько сезонов. Позже и по настоящее время приборы с такими датчиками, несколько видоизменённые, устанавливаются на катера, осуществляющие экологический мониторинг рек и озёр России.

До ухода на пенсию в 2018 году Г.П. успел поработать ещё со многими научно-исследовательскими коллективами, где требовались его энциклопедические знания по химии и способности к созданию уникальных микроэлектродов. Он был приглашён в Израильский Технологический Институт в Хайфе, где пытались создать в микро-варианте СЭ, способные анализировать содержание лития в слюне, заменив тем самым анализ крови у больных, принимающих препараты лития. В Китае в Даляньском технологическом университете Г.П. консультировал налаживание производства стеклянных микроэлектродов, за что был награждён правительством Китая орденом «За заслуги». С сотрудниками Всероссийского Института биохимии питания животных он разрабатывал и изготавливал рН- и рМ-метрические стеклянные электроды для создания на новой элементной базе датчиков, которые могли бы определять биохимические параметры жизнедеятельности сельскохозяйственных животных при различной системе их питания.

Активную работу на кафедре Г.П. — изобретатель и создатель, а также генератор нестандартных решений — продолжал до ухода на пенсию в 2018 году. Его трудовой стаж составил 62 года.

Герасим Пантелеймонович Лепнёв скончался в феврале 2019 года.

Г.П. Лепнёв

Воспоминания. Автобиография

Я, Лепнёв Герасим Пантелеймонович, родился 13 марта 1932 года в Ленинграде. Мой отец Пантелеймон Григорьевич Лепнёв (1888 г. рожд.) был врачом отоларингологом, а мать, Пелагея Герасимовна Лепнёва (1896 г. рожд.), — во вполне сознательном возрасте помнила революцию в Петрограде. Когда вышла замуж за отца в начале 1930 г., стала домохозяйкой на всю оставшуюся жизнь. Семья жила в доме Мойка 11, напротив конюшен. Она видела в октябре 1917, как по Мойке в направлении Инженерного замка гнали женский батальон, сдавшийся в Зимнем дворце. Ма-

тросы их гнали и давали им подзатыльники. В 1924 году она была медсестрой. Во время наводнения как раз закончила смену и с проспекта Карла Маркса (ныне Самсониевский пр.) она на трамвайчике переехала мосты, а с трамвая пробиралась уже вдоль стенки, поскольку Мойка вышла из берегов, но только промочила ноги. Успела забраться на свой третий этаж. Там же, в больнице Карла Маркса, в течение многих лет совместительствовал мой отец. Там они и познакомились, медсестра и врач.

Дедушка, в честь которого меня называли, бывший купец-гостинодворец (купец, имевший магазин в Гостином дворе) Герасим Алексеевич Барышников, а бабушка, Людмила Александровна, естественно, домохозяйка, как в те времена это было принято. И когда наступили тяжёлые времена, их выслали в Астрахань. Бывший купец-гостинодворец, что ему делать в Ленинграде? Но потом смилостивились и перевели в Малую Вишеру, за 101-ый километр. Туда уже мы с мамой ездили их навещать. Но ничего особенного про их жизнь мне сказать невозможно, кроме того, что дедушка умер в возрасте 68 лет от воспаления лёгких. Тогда воспаление лёгких у стариков лечить ещё не умели. А бабушка скончалась уже во время войны в эвакуации. Она рассказывала, что во время оккупации в Малой Вишере были испанцы, вели себя прилично, зверств не было.

Дед по отцу, Григорий Григорьевич Лепнёв, был учителем математики в Воронежском кадетском корпусе, издал учебник геометрии. Бабушка, Лидия Ивановна, вырастив детей, устроилась, пройдя жёсткий конкурс, стенографисткой в новенькую Госдуму и завоевала уважение тем, что успевала записывать выступления Пуришкевича (*депутат Государственной думы 2-4-го созывов с 1907 по 1917 год, член совета фракции правых*).

А начало моей жизни прошло на Мастерской улице, а потом — перед войной на Биржевом переулке, наверное, с 38-го года, когда Мюллера — бывшего владельца квартиры на Биржевом переулке — отправили в тартарары, где он и сгинул. Моя тётушка, Софья Григорьевна Лепнёва, которая жила в этой квартире, вызвала нас с Мастерской улицы, уж я не знаю, путём какой процедуры, обмена или произвели уплотнение. Значит, мы уплотнились на Биржевой переулочек. Про то, что было до войны, я почти ничего не помню.

Правда, дядюшка мой отсидел почти все 10 лет в концлагере с 34-го года. Я не помню, какая тогда была кампания, по всем бывшим, скажем так, интеллигентным людям. А он окончил Академию художеств, был архитектором, что-то построил в Сталина-

баде, в Таджикистане. Когда он вернулся оттуда, его немедленно схватили и отправили в лагерь. В чём его обвинили, я не помню, об этом он никогда не говорил. Из нашего семейства, пожалуй, он только один был репрессирован.

Дома папа и мама при мне о трудностях почти ничего не говорили. Какие-то разговоры, конечно, были, но просто они не застряли в памяти. Застряло в памяти то, что среди ночи вдруг телефонный звонок. Отца вызывают на работу к тяжело больной. И он, значит, с Биржевого переулка к Технологическому институту, на Бронницкую 9, отправлялся пешочком пяток километров кого-то спасать.

В детский сад я не ходил, занимался дома. Меня устроили в немецкую группу. Две пожилые дамы, которые как-то удержались в Петербурге, хотя они были немки по национальности, Вильгельмина Юльевна и Агата Юльевна, фамилии я не помню, держали немецкую группу. Человек 8 нас там было. Нас учили немецкому языку. Квартира располагалась в доме на углу Среднего и Съездовской. До войны, как говорится, всё шло нормально, родители водили меня ещё на музыку, тоже была такая старая петербурженка — Дарья Германовна. Всё это, конечно, была попытка нормального петербургского воспитания. Мало того, даже в школу меня отдали в четвёртую четверть, когда мне исполнилось семь лет. Сразу на четвёртую четверть, поскольку был пригоден для того, чтобы благополучно окончить первый класс. Писать меня научила моя мама.

Начало войны застало нас в Малой Вишере. Мы с мамой жили у бабушки, так как уже началось лето. Причём примерно за неделю до войны железнодорожники, которые жили в том же доме, где и бабушка, говорили, что началась война. Примерно за неделю. Они уже знали. Они, видимо, ездили через границу и видели готовящиеся немецкие войска. Конечно, концентрация войск была, и её не скроешь никакими силами. А бабушка и мама, естественно, обсуждали эту новость, она неоднократно звучала, и поэтому она у меня в голове и застряла.

Действительно, 22-го июня началась война, мама меня немедленно подхватила, и мы вернулись в город, а 7 июля отец посадил нас в эшелон и тем нас спас, и этот эшелон потихонечку двинулся на восток. В эшелон нас сажали на Московском вокзале, сажали с Лиговского проспекта. Никаких оцеплений не было. Шли все дружно, никто не сопротивлялся, тихо, мирно садились в теплушки и ехали на восток. По дороге запомнилось, когда поезда накапливались на какой-нибудь станции, то стояли рядом

несколько поездов, ждали, пока их отправят. Рядом стоял эшелон. Там были теплушки, но даже и открытые платформы, на которых сидели евреи. Их тоже тогда отправляли на восток. Видимо, из каких-то таких мест как Западная Белоруссия, которая ещё не захвачена. После 7-го июля немцы только ещё врывались в неё. И, вот, успели несколько эшелонов отправить на восток. Эшелоны с детьми, со скарбом, на открытых платформах. В этом же поезде было множество теплушек. В нашем вагоне был разговор о том, что там немцы их всех расстреливают, и поэтому их всех в первую очередь отправили. Так что о фашистской политике знали уже в первые дни июля.

Мы прибыли в эвакуацию сначала в деревню Дарцово. Там один раз я видел немецкий самолёт с крестом на борту, который с разведкой летал, в том числе, и над Ростовом Великим. А наша деревня была в 5 км от Ростова Великого. Поближе к осени мать решила перебраться ещё дальше на восток, и мы переехали в Пермь. И тут во время этого самого движения шли панические разговоры о том, как проехать станции Буй и Галич, потому что немцы их бомбят. Но мы проследовали благополучно. Приехали в Пермь, тогда город Молотов, и первую зиму провели в Перми в семье моей тётушки Анны Григорьевны, её мужа Бориса Михайловича Соколова и детей — Вадима и Елены. Квартира их была в старинном доме. Он был профессором анатомии Медицинского института. Нормальная профессорская квартира, они там потеснились и нас приютили. В эту зиму жили мы более или менее благополучно, хотя, конечно, с питанием было тяжело. И мать вспомнила, что у нее первая группа крови, записалась в доноры и приносила домой донорский паёк, тем самым поддерживала всё семейство. Весной она отправила меня в пионерлагерь, не как-нибудь! Тоже, наверно, по этой донорской линии. Начальник лагеря в конце с гордостью сообщил, что пионеры прибавили в весе в среднем по 600 граммов. Обратно мы передвигались пароходом по Каме, мама встречала на пристани и сказала: «Немцы взяли Сталинград!». Такой там слух ходил. Мы-то сейчас знаем, что немцам это не удалось.

Осенью 1942 года отца отправили из Ленинграда по возрасту. Поближе к осени ещё работала водная дорога жизни. По незамёрзшей Ладоге он переправился сквозь блокаду, приехал в Пермь и был направлен заведующим районной больницей в районный центр. Село тогда называлось Юго-Осокино (сейчас Калинино), примерно в 30 км от знаменитого на весь мир города Кунгур. Мы поехали прямо с ним и так всей семьёй и двигались, причём

в ту страшную распутицу эти тридцать км от железнодорожной станции Ергач мы ехали по грязи. Была телега, лошадь и четыре человека. Лошадь двигалась со скоростью пешехода. Ни разу она не могла проехать быстрее, даже и речи быть не могло. Через тридцать лет после этого я по этой дороге проехал из Перми на первом автобусе после весенней распутицы. Меня поразило, что за 30 лет в этом селе почти ничего не изменилось.

Там нас поселили в пустую избу, по-видимому, какого-то раскулаченного крестьянина. Это была осень 1942 года. На что-то из довоенных вещей выменяли козу, чтобы ребёнок, то есть я, рос на козьем молоке.

Я учился в это время в школе. Запомнилось, например, что немецкий язык нам преподавал инвалид, который в Первую мировую был военнопленным в Германии, на этом основании считал, что он знает немецкий язык и преподавал его школьникам. А летом в пионерлагерях купались, песни пели, всё было как надо. Ещё из хороших воспоминаний — в течение нескольких дней наш отряд отправляли на склон громадного холма. На склоне была трава, а в траве была клубника. Причём клубника настоящая, не разросшаяся земляника, которую мы сейчас все знаем, а настоящая дикая клубника — маленькие, но побольше лесной земляники, круглые ягодки с крепко прижатым чашелистником, чрезвычайно ароматные. Вот отряд там кормился. Купались в речке Ирень, чистая она была и очень быстрая. Несмотря на то что никто за нами не смотрел, кроме вожатых, чтобы далеко не заплывали, у нас никто не утонул. Всё было благополучно.

В учебное время все ходили в школу, в 4-й класс. Школьники на перемене, как всегда, переговаривались и травили анекдоты. Один из них мне запомнился с тех времен на всю жизнь. «Почему Ленин всегда на статуях с простёртой рукой, а у Сталина рука за бортом шинели? Ответ: Ленин — всё народу, а Сталин — всё себе!». Такой был культ личности в народных массах. Среди школьников стукачей не было, поэтому, как говорится, все остались при своих. За такой анекдот уж точно кто-нибудь бы загремел, если бы настучали. Вряд ли кто-то точно знает, сколько сотен тысяч сидело в лагерях за анекдот.

Каких-то антисталинских высказываний я не помню, не было их. Среди признаков тоталитаризма следует отметить заботы отца о том, чтобы из внезапно присланных крымских татар побольше оставалось живых, потому что внезапно очень большое количество этих людей появилось в нашем районе, ссыльных крымских

татар. По-видимому, их позже переправили в Казахстан. А тут они некоторое время жили, болели, и отец ездил их лечить. Это был, наверно, 43-й или 44-й год, если мне память не изменяет, отец уже вполне освоился там. Для одной из двух больничных лошадей он приобрёл седло, благо навыки с кадетского корпуса сохранились, он садился верхом и ехал в соседнюю деревню через грязь кого-нибудь лечить. Тогда у него было очень много поездок к больным крымским татарам.

У нас с продуктами было неплохо. Был огород, коза с козлёнком, поросёнок, капуста была, картошка, но первое время вещи, которые мы привезли в чемоданах, мы выменивали на еду у местных жителей. Был мёд, его приносили вылеченные отцом местные жители. Ещё был турнепс с больничного поля. В 1943 году отец организовал посадку турнепса, урожай получился отличный, кормились больные, лошади и немного сотрудники.

В тот день, когда радио объявило об окончании войны, особенного ликования в нашем селе не было. Вывесили красные флаги и этим ограничились. Поскольку мужчин было очень мало, постольку и пьяных, соответственно, тоже было очень мало. А потом, через некоторое время, отец поехал в Пермь и там нашёл знакомых, которые помогли ему получить вполне официальный вызов для возвращения на старую работу. Он сдал дела в больнице, и мы начали готовиться к отъезду обратно в Ленинград. При этом мать героически торговала на базаре, что было ей абсолютно несвойственно. Она продала козу Муську, её дочку Зару. Ещё у Муськи раньше были козлята — Тишка и Мишка, их мы съели, а из шкурок знакомый скорняк сшил мне полушубок, так что в Ленинграде я бегал в школу в дублёнке, пока не вырос из неё. Мама говорила утром: «Пора в школу, надевай Тишку-Мишку!».

Мама продала мешок табака, махорки. Дело в том, что старшие братья воевали, и у отца возникла идея послать им на войну табак, зная, что обычно с куревом плохо. Для этого он в 1944 году вырастил табак. Ещё в то лето в огороде росла кукуруза, соседи дивились на трёхметровые растения, а мы угощались початками молочно-восковой спелости. И это за много лет до хрущёвской кукурузификации всей страны!

Табак прошёл всю технологию, как полагается, ферментация, высушивание, разрезание, и лежал в мешке. А когда война окончилась, то стало ясно, что уже никакого смысла держать этот табак дома нет, и мать героически его продала. Продала причём очень быстро. Первый же курильщик попробовал закрутку и сра-

зу же купил стакан. Распространился слух, что хорошая махорка у этой тётки, и в течение часа всё это расхватали.

Мы ждали, когда отец из Перми вернётся, и в это время по деревне пошёл крик. «В машине перевернулись!» Я в ужасе побежал туда. Машина съезжала с длинной гряды холмов, это Предуралье. Там вся эта территория пересечена такими ступенчатыми террасами и такая была гряда холмов. Съезжая с неё, машина встала на нос. Что-то такое водитель не выполнил, она встала на нос и упала после этого кузовом на землю, всеми четырьмя колёсами вверх. Многие, кто был в кузове, погибли, другие были тяжело ранены. Первое, что меня поразило, когда я подбежал к этой перевернутой машине, — это страшный запах спирта. То есть все пассажиры, сидевшие в кузове, были вдрабадан пьяные, и шофёр — тоже. Остался цел там один парень, который сидел на уголке кузова, и поэтому его отбросило в сторону.

На следующий день отец вернулся из Перми. Вернулся не на той машине, а на другой, обычной трёхтонке, а знаменитый «студебеккер» я увидел там впервые, буквально за несколько дней до отъезда, он откуда-то приехал, и все мальчишки бегали смотреть на этот студебеккер. Тот самый, который тоже помог Красной Армии выиграть войну.

В предотъездные дни у меня была задача пристроить грачонка, который жил у нас в доме и которого выбросили из гнезда где-то в начале лета. Выбросили совершенного несмышлёныша, как говорится. И у меня была идея накопать ему червей. Действительно, я накопал ему червей, причём я даю ему червяка, а он — ноль внимания. Тогда я догадался каркнуть. В ответ на карканье он открыл пасть на всю ширину, и я просто бросил туда червя. После этого дело пошло, и я мгновенно понял, что с грачами мне соревноваться совершенно невозможно, так как столько червей, сколько надо, я не накопаю. Тогда мама перевела его на творог от нашей козы. Творога у нас хватало, и творогом он был выкормлен. Его отдали на соседнюю улицу такому же мальчишке, как я.

Ну, потом мы поехали. Это было лето 45-го. Летом дорога была более или менее приличная, мы спокойно доехали до Кунгура и успели посетить ледяные пещеры, заметно закопчённые факелами. Потом мы погрузились в проходящий поезд. Он уже был пассажирский.

Поезд шёл через Вятку, тогда Киров. Там нас в поезде навещил дядя Лёша, А.Г. Барышников, недавно освободившийся из концлагеря. Доехали благополучно. Вернулись в свою квартиру,

которая оказалась более или менее сохранившейся. Потому что были и разграбленные квартиры. Наша квартира стояла пустая в течение пары лет, но ничего, всё более или менее сохранилось.

Теперь от послевоенных впечатлений сохранилось то, что мальчишкам казалось удивительным. Прибежал за мной двоюродный брат и сказал: «Бежим скорей! Надо на трамвай попасть и доехать до кинотеатра “Гигант”». Тогда с Васильевского острова ходил туда трамвай номер 6. Когда мы туда приехали, оказалось, что мы уже опоздали, и пятеро немцев уже висели. Это тогда приводили в исполнение приговор, уж и не знаю, как это назвать, но была тогда такая кампания. Среди пленных находили тех, которые якобы зверствовали на оккупированной территории, и приговаривали их к повешению. Писали в газетах, что их привозили в деревни для опознания уцелевшими жителями. Они висели, а мы смотрели на них. Там всего пятеро и было. А где-то ещё вешали, но я этого не помню, просто не помню. Но мы, мальчишки, всего этого ужаса происходящего не понимали, не очень-то разумели. А когда мы туда приехали, народу ещё было очень много, вся площадь была забита народом. Примерно на месте этой виселицы потом встал памятник Калинину.

Ну, вот, потекла мирная жизнь. Из неё можно вспомнить такой характерный момент. Дядюшка, Алексей Александрович Ковалёв, на родине которого мы провели первые дни эвакуации, благополучно прошёл войну. Он был артиллерист, во время блокады вёл контрбатареиную борьбу, имея наблюдательный пункт на крыше Дворца Советов (в конце Московского проспекта). Когда он появился в доме, четырёхлетний сын Алексей, впервые увидевший отца, залез под рояль и оттуда сказал: «У меня папа тоже военный!». Вернулся полковником, весь в орденах, естественно, партийным, и вот, когда на Биржевом переулке праздновали день Победы (это был 46-й год, очевидно), он произвёл на меня большое впечатление тем, что выпил рюмку водки, страшно сморщился и сказал: «Ну, как её беспартийные пьют?!».

А когда мы приехали, я должен был идти в 7-й класс, но после экзаменовки преподаватели настойчиво посоветовали после сельской школы вернуться в шестой класс. Говорили — «Не справится!». Действительно пошло всё неплохо. Никакого ощущения второгодничества в шестом классе не было. В такой-то день, в такой-то час директор нас собирает, говорит: «Завтра в школу не ходите, сегодня вечером мы едем за дровами». «Как это едем за дровами?» «А так: соберётесь вечером в школу», — школа была

на Съездовской линии недалеко от Большого проспекта, и сейчас она существует. Пришли, собрались в школе, а тем временем приехал трамвай, грузовой. Вся школа погрузилась на три платформы. Там был моторный вагон и ещё два прицепных. Причём только мальчишки, естественно. Школа была мужская уже, где-то в конце войны разделили школы на мужские и женские. Приехали на Кушелевку на трамвае. Там на Кушелевке загрузили эти платформы дровами, приехали на дровах обратно, разгрузили и внесли всё в школу. На это ушла почти вся ночь. Всем выдали справки.

Отоспавшись, я пошёл в кино, в кинотеатр «Баррикада», и смотрел там фильм «Тётка Чарлея» по справке, в учебное время, потому что было так, что для детей в такое время билет без этой справки не продали бы. Тогда это было строго. Из жизни в школе любопытное воспоминание застряло в голове, а именно такое событие. Это был уже 7-й класс. Проходили историю древнего мира, и учительница объясняла согласно программе, что был такой римский император Октавиан Август, что он был очень хитрый и поэтому сохранил все республиканские институты, но занял все высшие должности: и народного трибуна, и консула, и всё такое, и даже верховного жреца. Тут учительница подняла глаза и обратила внимание, что класс смотрит на портрет вождя, который висит в классе на стенке напротив окон. Учительница в ужасе крикнула: «Цыц!!» На этом весь инцидент был исчерпан. Опять никто не настучал.

Ещё одно воспоминание тех лет. В жаркий летний день иду по Первой линии. Неожиданно сильнейший ливень, скрываюсь в ближайшей подворотне. Следом за мной там же появляется парень постарше, лет 16–17. Через минуту шум дождя как-то меняется, парень выглядывает, возвращается и кричит: «Такая мать! Бум, трах, тарарах! Пла-а-ан выполняет!!!». Ещё через полминуты мимо нас проезжает трёхтонка с цистерной и на полную мощь поливает улицу. Это демонстрирует, как массы понимали плановую экономику. Была такая песенка. «Всё по норме, всё по плану. Срать велят по килограмму. А дают по 300 грамм. Как же высрать килограмм?».

В 8-м классе все воспоминания у нас уже общие с А. Козыревым, отец которого недавно вернулся из лагеря, поселился в доме Академии наук и устроил сына Сашу в школу на набережной. Однажды он, когда разговор коснулся астрономии, поразил меня, сказав, что Луна черна, как свежеспаханный чернозём.

Школа была нормальная. Учителей я немного помню. Учительницу литературы звали Екатерина Николаевна, а физика — Давид Львович, а химика не помню. У нас был замечательный завуч Арон Моисеевич Стерлин. Я встречал его в наших переулках, когда ходил по василеостровским линиям, уже будучи в весьма взрослом состоянии. Сейчас я год уже не могу вспомнить, но думаю, что где-то в 70-е. Вот так примерно. Он был пулемётчиком во время войны и уцелел. Это было величайшее везение потому, что 99 процентов пулемётчиков уничтожались в первые минуты боя. Преподавал нам биологию, тогда, конечно, мичуринскую, долго разбирали материалы лысенковской конференции против буржуазной генетики.

Потом надо вспомнить нашу учительницу истории, которую я забыл, как её звали, величали. Она была замечательна тем, что в 1948 году всем нам вручила юбилейные издания Коммунистического манифеста. Она была очень партийная дама.

Ещё я помню, что во время выпускного вечера был запрет на принятие спиртных напитков. Так нам коллектив учителей устроил маленькую комнатку, где мы, выпускники, могли зайти и выпить свою стопочку портвейна. Было такое. А на торжественном столе спиртного не было. В нашем классе из учеников я помню, конечно, математика Мишу Яковлева, помню Мулю Лежоева, был такой. В школе он был мало интересен. Был такой разгильдяй, но учился нормально, а потом оказался конструктором самолётов. Я встречал его в лётной форме. Он окончил Академию военно-воздушную. Интересен был Яша Цукров, который был замечен тем, что был более разгильдяй, чем другие. Волосы у него торчали. А у Оксенкруга лежали. Если начинался какой-нибудь шум в классе, то любой учитель всегда кричал: «Цукров!». А тот разводил руками: «Опять Цукров!». Они сидели на последней парте. Был слух, что Яша Цукров стал замечательным педиатром, к которому записывались в очередь. Вот и всё. Отмечу, что никакого антисемитизма в классе не наблюдалось. Абсолютно не было. Интересно, что Цукров и Оксенкруг были типичные стилиаги по тем временам. Тогда появлялись первые стилиаги, многие из которых стали диссидентами.

Из школы я помню, что за какую-то провинность «разбирали» моего лучшего друга. Я тогда был членом учкома. За что — я не помню, но для меня было странно, моего лучшего друга «разбирать» на учкоме. Во взрослых заведениях был треугольник: партком, профком и дирекция. По образу и подобию сделали тре-

угольник ещё и в школе. Дирекция, комсомольское бюро, а профсоюза не было, и сделали учком. Я был как раз в 10-м классе членом учкома. Если кто в чём-то проштрафился, то его «разбирали» на учкоме.

Когда я поступил на химический факультет, то в сентябре нас отправили на картошку. Студентов провожал ректор Александров во дворе университета. Уже после картошки меня поймали комсомольские деятели и спросили, почему я не комсомолец. А я развел руками и сказал: «Ну, как-то не пришлось, не все же у нас в школе комсомольцами были!». Мне говорят: «Надо вступать! Принесёшь рекомендацию от трёх комсомольцев или от одного партийного». Я хлопнул себя по лбу и прошёлся опять по Васильевскому острову в школу, поднялся в физический кабинет: «Давид Львович, дайте рекомендацию?». Давид Львович с удовольствием дал мне рекомендацию в комсомол. Он был членом партии.

Летом тогда я жил в Луге у тётушки и дядюшки. Дядюшка А.А. Ковалёв преподавал в Луге в Высшей офицерской артиллерийской школе на полигоне. Он каждое утро надевал китель с блестящими пуговицами и шёл пешком километра полтора на полигон. Хозяином дома, где мы жили, был священник местной церкви. Во время оккупации фашисты собирались его повесить за связь с партизанами. Партизаны налетели, немцев побили и сняли петлю с шеи попа. По вечерам партийный полковник Ковалёв и священник мирно беседовали.

В одно лето, наверное, после 8-го класса, я по приглашению моего друга Саши сел в Луге в поезд и проехал полдороги до Питера, до станции Строганово, прошёл в первую деревню и явился на дачу, где жили Саша, его бабушка, две тётушки и его отец, Н.А. Козырев. У него нога была в огромном гипсе после винтового перелома, случившегося при катании на лыжах весной в Хибинах. Я появился как раз вовремя, чтобы помочь Саше в деле купания отца в озере. Мы помогли ему сесть в лодку, надеть на гипс автомобильную камеру, затянуть ремешки и уже на глубине перевалиться через борт. Он с удовольствием поплавал, и мы помогли ему забраться в лодку. Через пару лет я навещал Козыревых в другой деревне — Бетково в 10 км от Луги. Николай Александрович катал нас на лодке. Он стоял на корме, выпрямившись во весь свой немалый рост, и отталкивался шестом. Я смотрел на него и вдруг понял: вот он, Чингачгук, почему киношники не снимают? На другом берегу озера мне показали стоянку первобытного человека, и мы даже нашли кремнёвый наконечник стрелы.

На химфак я поступил потому, что мне понравилась химия, а почему, я это точно не могу сказать. У меня была даже идея поступать в Горный институт вместе с одноклассником на металлургический факультет. Мне отсоветовали и сказали, что по здоровью я не пройду. Тогда я, даже не делая попыток, перешёл, благо это было даже ближе к дому, и подал заявление на химический факультет. Через много лет, когда меня начали переманивать из Радиевого института в университет, мой лучший друг Лев Константинович Архангельский мне сказал, что, вот, я договорился, приходи. Он меня приводит, знакомит с начальником, и я узнаю, что это тот самый, который принимал у меня вступительный экзамен по химии, поставил 5. Очень было любопытно. Я признался ему ещё лет через пять только. Это был Михаил Михайлович Шульц, позже ставший академиком.

Дело врачей (в начале 50-х) косвенно коснулось и нашей семьи. Дело в том, что у отца были не то что учителя, а, так сказать, кураторы. Один из них был замечательный ларинголог, профессор и адмирал военно-медицинской службы Засосов. Его по «делу врачей» посадили в лагерь. Он там был до начала лета 1953 года. Арестовали его в январе 53-го года, в марте умер Сталин, и пока сообразили, что пора врачей отпускать по домам, он там ещё пару месяцев просидел. В это время у него скончалась жена от переживаний. Остаток дней он провёл уже вдовцом. Опять-таки я должен отметить, что родители если и перешёптывались между собой, то меня в это дело на вовлекали, несмотря на то, что я был уже студентом. Не вовлекали на всякий случай, потому, что молодой человек глупый, где-нибудь что-нибудь сболтнёт, и всё — пропадём мы.

Смерть Сталина была отмечена у нас; вот что на меня произвело впечатление: нас собрали в Большой химической аудитории во время похорон слушать радио. Девицы рыдали. А когда похороны закончились, прогремел салют и ударили походный марш, как полагается при похоронах солдат: похоронили убитых, и дальше идём в поход. Вот когда загредел этот бравурный походный марш, то абсолютно все девичьи зарыдали! Вся Большая химическая аудитория. Вот другая сторона. С одной стороны все понимали, что к чему, а с другой стороны — все рыдали. Понимали не все, конечно.

Вернёмся в школьное время, в 1947 год. Тогда отменили карточки. *(В СССР карточно-нормированное распределение продовольственных и промышленных товаров введено с июля*

1941 года). За год до этого или за полтора я сопровождал маму на операцию по отовариванию карточек. Стояли в очереди, отоваривали все талоны, что можно сегодня, что есть в магазинах, она грузила на меня, сама брала, и всё это мы несли домой. А в один из дней мы идём вместе по Среднему проспекту, по его началу. Тогда там был маленький гастрономчик. Мама входит, а в гастрономе пусто, никого нет. Мама оглядывает полки и говорит: «Ничего нет, одни крабы!». И действительно, по всем полкам стоят такие бело-красные баночки с надписью: «Чатка-чатка-чатка-чатка!». Это удивительная история, и сейчас мы можем её рассмотреть как то, что в те времена остался один-единственный, полностью на мирных рельсах, комбинат переработки крабов, который снабжал всю Россию недешёвыми консервами, поэтому никакого смысла их брать на карточки и отовариваться ими не было.

В год отмены карточек — их отменили 15 декабря 1947 года — в начале декабря стояли морозы, но народ на основе слухов старался истратить деньги. Скупили всё, включая дирижёрские палочки. Числа 13-го началась оттепель, и кто-то написал на постаменте заиндеветшего Медного всадника: «Продано!».

Параллельно этому нужно вспомнить, что когда отменили карточки, то всё понемногу восстановилось. В гастрономах стали появляться разные продукты. Можно было их покупать, и потихонечку их становилось меньше и меньше. К тому моменту, когда я был женат, в мой второй год женитьбы, жена, провожая меня в Радиевый институт, говорила: «Вот, на обратном пути зайдёшь в рыбный на Большом проспекте, купи что-нибудь хорошее. А если ничего не будет, то возьми красной икры». Более или менее дешёвые продукты уже постепенно убывали, а оставалась красная икра, которая всегда стояла на прилавке. Это относится примерно к 1956-му году.

Я неоднократно впоследствии своим и чужим студентам рассказывал о том, что произошло в июле 1953 года, когда я был студентом. Мы были на стройке. Я ездил со всеми. Ничего плохого в этом деле не было, если не считать того, что 200 студентов строили ГЭС мощностью в 1 автомобиль. Мы строили Пожарищенскую ГЭС, недалеко от Тихвина. Я был вместе с друзьями в линейной бригаде, которая прокладывала от этой ГЭС линии электропередачи. И в один из дней нам было задание, мне и моему лучшему другу — Льву Константиновичу Архангельскому, прочищать просеку. Дело в том, что эту ГЭС проектировали ещё до войны и проложили просеки для будущих электропередач. Но за

время войны, они, естественно, заросли, и вот в 1953 году их начали обратно прокладывать, снова расчищать. Нам нужно было найти вешки довоенные, определить просеку и срубить кусты, которые успели за 10 лет нарасти. Мы весь день занимались этой работой, а к вечеру пришли в избу, где все мужчины в одной избе на матрасах спали. В одной — женщины, а в другой — мужчины. Мы пришли и вот один из этих самых, остававшихся на площадке ребят, посмотрел и говорит: «О, они ещё не знают!». И он начал, приплясывая, выкрикивать: «Изменник, шпион!!» и так далее. «Берия!» Оказалось, что пока мы ходили в лес, радио передало сообщение о том, что Берия арестован и разоблачён как английский шпион. А потом его по принятому в КГБ сценарию отправили в лучший мир.

В тот день, когда объявили, что с ним покончено, член партбюро химического факультета, один из профессоров, зачитывая в Большой химической аудитории соответствующее постановление, как-то по привычке вставил, что такой-то, сякой-то товарищ Берия. Общий смех в зале. Вряд ли он такую шутку сознательно допустил, но всех рассмешил.

В партию я не вступал потому, что меня как-то и не приглашали. Окружающие партийцы не видели во мне своего однокашника.

Можно добавить ещё, каким образом я слушал закрытое письмо ЦК КПСС съезду партии в 1956 году. Весь коллектив Радиевского института был собран в зале. К тому моменту актовый зал уже абсолютно не вмещал всего коллектива, поэтому я стоял в коридоре и прислушивался, как читалось закрытое письмо Хрущёва XX съезду. Я прекрасно помню, что один из физиков в момент, когда это всё было закончено, махнул рукой и сказал: «А! Западные голоса уже давно это передают!». Это письмо, по-видимому, сразу было размножено, и иностранные голоса с радостью его зачитывали.

Ещё такое есть воспоминание. Упомянутый дядюшка, Алексей Герасимович Барышников, которого в последнюю весну войны из лагеря отпустили. Тогда была такая манера: заметив, что человек умирает, весь полностью израсходовался, его отпускали на волю, чтобы не портить лагерную статистику. А он каким-то образом выжил. Как он рассказывал, он сначала пристроился сторожем на кухню. Какой-то сторож его приютил, чуть-чуть подкормил, а дальше он уже сам, после того, как у него ноги заработали, принялся сторожить. В 1945 году он перебазировался в Петрозаводск.

Поскольку он закончил Академию художеств, его сравнительно легко взяли преподавателем в архитектурно-строительный техникум. Он там всю оставшуюся жизнь и провёл. Они списались с моей мамой, и мы с мамой сели на какой-то кошмарный пароход, трофейный речной пароход с колёсами. Он ходил по маршруту Петербург — Петрозаводск. Это была интересная поездка с ночёвками на пароходе, причём этот корабль героически шёл поперёк Ладожского озера. Не по каналам, великоват был, а по озеру, хотя был речной. Его так болтало, что все были в морской болезни. Потом он шёл по Свири, потом по Онеге, потом Петрозаводск. Дядюшка рассказал, как он там обосновывался. Сначала его взяли в техникум, а потом сказали, что в техникуме никаких возможностей устроить его с жильём не было. Хилая организация — техникум. Поэтому ему посоветовали пойти к Андропову, который тогда был первым лицом в Петрозаводске (*В 1967–1982 годах — председатель КГБ СССР. С 1982 до 1984 года Юрий Андропов был генеральным секретарём ЦК КПСС. С июня 1983 года он одновременно занимал пост председателя Президиума Верховного Совета СССР*). Дядюшка пошёл, Андропов с ним поговорил и распорядился дать ему комнату. У дядюшки осталось очень приятное впечатление об этом молодом человеке.

* * *

P.S.: На этом заканчиваются воспоминания Г.П. Лепнёва, которые он продиктовал своему другу в 2010 году.

Герасим Пантелеймонович работал на кафедре физической химии химического факультета Санкт-Петербургского университета до конца 2018 года.

Санкт-Петербург

* * *

*В блокадных днях / Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством / Где черта?
Нам в сорок третьем / Выдали медали,
И только в сорок пятом — / Паспорта.*

Юрий Воронов